

Вторник, 30 января 1996 года

Мини-мемуары

Продолжаем публикацию воспоминаний старейшего московского журналиста Николая Филина, написанные им в форме увлекательных микроновелл.

Кумиры: божества или предметы любви бестолковой?

В толковом словаре Вл. Даля слово «кумир» объясняется так: «Изображение, изваяние языческого божества. Предмет бестолковой любви, слепой привязанности». Что ж верно, добавлю: кумир по своему профессиональному мастерству не обязательно должен быть выше других. Сколько актеров было в мое время, класс игры которых был выше, чем у Николая Крюкова или Петра Алейникова. Однако не они, а Николай Крюков и Петр Алейников стали кумирами моего поколения.

Почему у сегодняшнего поколения ребят что-то не наблюдается кумиров? Может быть, потому, что у них слишком много любимых и слишком много они, живя в век общедоступной информации, знают о них. Когда кумир насквозь просвечивается телевидением, да и сам слишком много говорит о себе, это уже не кумир, а нечто другое. Кумир — всегда тайна, всегда загадка.

ОДИН БУТЕРБРОД НА ДВОИХ

Леонид Утесов стал моим кумиром сразу же после выхода на экран «Веселых ребят» в 1934 году. А первый раз на выступление его театра я побывал летом 1938 года в эстрадном театре сада «Эрмитаж». Показывалось театрализованное представление «Два парохода».

Последняя же моя встреча с утесовским оркестром состоялась почти через 30 лет в Центральном Доме культуры железнодорожников. Тогда Леонид Осипович показал интересную музыкальную композицию, которая явилась своеобразным ответом Максиму Горькому, автору памфлета «Музыка толстых», а также всем хулителям джаза.

— В моем оркестре такие же инструменты, как и в любом другом, — говорил Утесов. — Они могут играть все — от серьезной классической музыки до какофонии, именуемой «музыкой толстых»...

И оркестр на высоком профессиональном уровне исполнил несколько произведений самых различных музыкальных жанров.

Для меня все утесовские песни, несмотря на разницу в музыке и словах, были в равной степени любимыми, поскольку они пелись одним голосом — утесовским. Кто-то очень верно сказал: «Голос Утесова — это голос определенной эпохи, определенного времени». И этот голос как бы сопровождал, сопровождал всю мою жизнь.

Утесов никогда не выставлял свою жизнь напоказ. На сцене он «изучал» личное благополучие, казалось, он купался в славе, в любви народа к нему. Однако после того, как он оставил свою концертную деятельность, все чаще можно было слышать, что Утесов в жизни был не простым человеком и ему не так-то легко шагало с песней по жизни.

По долгу службы мне приходилось бывать в Центральном Доме работников искусств (ЦДРИ) на заседаниях эстрадной мастерской. В ее работе принимал участие и Утесов. Однажды речь зашла о сольных концертах. Леонид Осипович возмущался:

— Сегодня дело дошло до того, что даже конференсье стали выступать с сольными концертами. У меня было 28 плановых концертов в месяц, и только за одиннадцать из них я получал по 42 рубля как за сольные.

Это крайне удивило меня, ведь я полагал, что все выступления Утесова — сольные, поскольку он и в первом, и во втором отделениях почти все время присутствовал на сцене — вел конференс, пел, дирижировал, разыгрывал маленькие сценки... Я тут же подсчитал заработок Утесова. Зарабатывал он неплохо. Но богачом, судя по всему, не был. Вспомнил довоенную публикацию в «Правде» под рубрикой «Из зала суда». Утесов судился с радиокомитетом за то, что он ни копейки не заплатил оркестру и самому Утесову за полную трансляцию его концерта. В иске Утесову было отказано.

На этом заседании в ЦДРИ Леонид Осипович сидел рядом с другим патриархом советской эстрады Ильей Набатовым. Набатов достал из кармана завернутый в бумажку бутерброд, и, разломив его пополам, поделился с Утесовым. Два эстрадных корифея сидели и по-стариковски жевали один бутерброд.

Правда, это сценка поразила меня, как когда-то, в четвертом классе, меня поразила беременная учительница. Я уже знал, как появляются на свет дети. Но я полагал, что у учителей они должны появляться не так, как у всех.

И тем не менее, когда я узнавал, что у моих кумиров в жизни все так, как и у всех смертных, в том числе и обращение с едой, то они становились мне еще ближе и дороже.

ВАНЯ КУРСКИЙ МИЛЕЕ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

Я считал: в жизни кумир должен быть таким, каким он был на экране. Однако много ли я видел своих кумиров в жизни? Самую малость.

В один из теплых, солнечных дней ранней осени конца 30-х годов в Первом кинотеатре, что на улице Воровского, шла премьера какого-то фильма. Все билеты давно были проданы. Но я не терял надежду в ожидании «лишнего билетика».

И вот со стороны площади Восстания появилась ватага взрослых ребят, возглавляемая Николаем Крючковым. Он был особенно заметен крашеными под блондина волосами: очевидно, смена цвета волос была вызвана участием в съемках какой-то картины.

Компания, явно краснопресненская, вела себя шумно, весело, по ходу отпуская налево-направо встречным девушкам какие-то озорные реплики.

Во втором — а это были ребята физически слабые, иногда болезненные, — он был равнодушен, а порою позволял себе непедагогические поступки: выставлял напоказ, пародировал их слабость, даже физические недостатки.

Ко вторым относился и я со своим слабым сердцем — врачи запретили мне играть в футбол, бегать... Хотя, в тайне от родителей, все это я делал. Забегая вперед, скажу: в войну в военном училище я, бывший белобилетник, однажды занял первое место в роте по плаванию, а на передовой мне приходилось делать все, что делали другие, — бегать, прыгать, ползать по-пластунски...

Запреты врачей унижали меня, формировали во мне комплекс неполноценности. Другой бы учитель помог мне избавиться от этого комплекса, Харлампиев же все делал наоборот: он зачастую не только подчеркивал перед одноклассниками мою физическую не-

— Это со мной, — сделал строгую гримасу, рывкнул Крючков в лицо билетерши, оторопевшей от столь неожиданного появления перед ней восходящей кинозвезды.

Через несколько секунд после того, как компания скрылась за стеклянными дверями и растворилась в толпе кинозрителей, ожидавших начала сеанса, перед билетерами снова появилась Крючков. Улыбнувшись, он сказал:

— А я картину уже видел, — и, легко сбегав по широкой лестнице, повернул в сторону Красной Пресни.

Я был случайным свидетелем этого эпизода. Но сам эпизод, по словам людей, хорошо знавших Крючкова, не был случайным: подобные выходы, присущие дворовым ребятам, он устраивал и позже. Да и сам Николай Афанасьевич однажды, уже в старости, признался: «Был я шумным баламутом». И действительно, он был «парнем из нашего города», таким мы его и видели в фильмах 30-х — 40-х годов.

Как-то в том же Первом кинотеатре, но уже после войны, я сидел в ожидании сеанса. Вдруг послышался громкое:

— Товарищ, туда нельзя!

Эти слова служительницы кинотеатра были обращены к человеку, который, несмотря на запретительную табличку, медленно поднимался вверх по лестнице на второй этаж.

Человек остановился, обернулся и, ничего не говоря, строго посмотрел на служительницу. Та от удивления только открыла рот, а затем виновато произнесла:

— Идите, идите...

Но человек перевел свой строгий взгляд на публику, словно кого-то искал. Поставив минуточку-другую, он стал дальше медленно и торжественно подниматься по лестнице. Когда он скрылся из вида, я спросил служительницу:

— Кто это был? Лицо его мне показалось очень знакомым, определенно где-то я его видел...

— Это Петр Алейников, — ответила служительница. — Я его не сразу узнала... На голове парик... Такой важный... Он сейчас снимается в какой-то картине...

Позже я смотрел фильм «Михаил Глинка». Как только на экране появился Пушкин в исполнении Петра Мартыновича Алейникова, публика оживилась: в образе великого поэта она сразу же узнала своего любимца. Послышались голоса: «Так это же Ваня Курский...».

Ваня Курский — герой фильма «Большая жизнь», блестяще сыгранный Петром Алейниковым. Сразу же после выхода картины на столичный экран мы, мальчишки, стали к месту и не к месту повторять его реплики, копировать его поведение, даже, извините, сплевывали так, как сплевывал Ваня Курский.

Тогда в Первом кинотеатре, до появления на экранах «Михаила Глинки», Петр Алейников, очевидно, опробовал на будущих зрителей свою неузнаваемость: ему так хотелось появиться на экране не Ваней Курским, а Александром Пушкиным. Увы, из этого ничего не получилось: Ваня Курский зрителю оказался милее Александра Сергеевича. Хотя, как недавно сказал один из кинокритиков: «Это был лучший Пушкин, которого я видел на экране».

ПРОИГРЫШНЫЙ БОЙ ЧЕМПИОНА

Осенью 1936 года по 13-й школе, что находилась в Большом Саввинском переулке, прошел слух: новый физкультурник, который вот-вот должен прийти к нам, чемпион по борьбе, правда, никто не знал — чемпион Москвы или страны.

Признается, многие из нас приняли этот слух за чей-то домысел, за фантазию: обычная школа рабочей окраины Москвы — и вдруг чемпион. Но через несколько дней этот слух подтвердился. Мы действительно увидели настоящего русского богатыря. Все в нем вызывало восхищение и зависть мальчишек — и мужская красота, и могучая грудь, и мускулы рук...

Это был Анатолий Аркадьевич Харлампиев, создатель борьбы самбо. Тот самый Харлампиев, которого позже пригласят в Кремль. И он перед самим Климом Ворошиловым и другими высшими военачальниками продемонстрирует новый вид борьбы: обезоружит «нарушителей границы». Тогда-то самбо и будет принят на вооружение Красной Армии, прежде всего пограничников.

Казалось, Анатолий Аркадьевич станет кумиром всех мальчишек. Но он не стал им. И вот почему.

Учитель с самых первых уроков физкультуры негласно поделил всех на «перспективных», в смысле способностей к рекордам, и «бесперспективных». И мы это почувствовали. С первыми он был внимателен и усерден.

полноценность, но и высмеивал ее. Правда, я не уверен, что он знал о запретах врачей.

Родителей я умолял не говорить об этом в школе, обещая выполнять советы врачей. Но ведь среди пародируемых был не один я, а чуть ли не треть класса. Он пародировал походку, позу, подход к снарядам, выполнение упражнений... Кому-то это было смешно.

Запомнилось мне такой случай, негативно сказавшийся на отношении к Харлампиеву. Для проведения военных игр Анатолий Аркадьевич часто приезжал в пионерский лагерь, находившийся в Новом Иерусалиме. Однажды на территорию лагеря забрел пьяный мужичок, шуплый, низкого роста. Харлампиев попросил его покинуть территорию лагеря, тот не подчинился. Тогда он применил один из двух простейших борцовских приемов, однако из этого ничего не вышло. Это нас страшно удивило: богатырь, чемпион — и вдруг такой конфуз. Мужичок продолжал стоять на ногах и куражиться. В глазах Харлампиева сверкнула злость. И он в какую-то долю секунды одним из «зверских» приемов бросил мужичка на землю. Мы испытали не восторг к учителю, а жалость к несчастному мужичку. Богатырь Харлампиев мог бы, как ребенка, взять пьяного мужичка на руки и под общий смех вынести его за пределы территории лагеря.

Не зря Анатолий Аркадьевич все свое мастерство сосредоточил на «перспективных». 13-я школа вскоре выиграла рекордсмены, чемпионы района, города, страны, а одна девушка по имени Маша стала рекордсменкой мира среди юношей. После войны я ничего не слышал о ней. Но вот имя другой воспитанницы Харлампиева после войны стало известно всему спортивному миру. Это — Александра Чудина. И меня крайне удивило, что в очерке о Чудиной, опубликованном в «Советском спорте», в перечислении людей, оказавших большое влияние на ее судьбу, отсутствовал Харлампиев. Почему? Я могу лишь догадываться.

Нет у меня никакой обиды на Анатолия Аркадьевича. Какая там обида, если мне пошел восьмой десяток, а Харлампиева давно нет в живых. Только вот жаль, что при своих-то превосходных данных Анатолий Аркадьевич не стал кумиром всех, а стал кумиром лишь избранных.

ОН КАТАЛСЯ НА ТАКИХ ЖЕ «ГАГАХ»...

На Девичьем поле, по соседству с нашим домом, был стадион. Он, меняя «хозяев», менял и названия: от «Красных Хамовников» и «Красной Розы» до «Спартака» и «Буревестника».

До войны на этом стадионе буквально кипела спортивная жизнь района. Летом, по выходным дням, чемпионат района по футболу собирал сотни зрителей... Каждое предприятие выставляло по пять команд, шестой, нулевой, командой была детская. Класс игры соответствовал номеру команды. Самой сильной была первая. Первая играла с первой, вторая — со второй и т.д. То есть в один день, с утра до вечера, проходило шесть матчей. За одну из команд завода «Каучук» играл Анатолий Папанов: об этом он сам говорил в своих интервью.

Зимой футбольное поле превращалось в каток. Чуть ли не ежедневно, вечерами, после выполнения домашних заданий, я ходил на этот каток. Сюда же часто приходил Мельников, первый чемпион России по бегу на коньках. Был он уже в возрасте, в соревнованиях не участвовал, а когда-то, по воспоминаниям старожилов, на этом же стадионе он ставил рекорды. На каток Мельников приходил с кем-то из своих друзей просто покататься на «гагах». За ним неизменно следовала ватага мальчишек.

В силу своего возраста никто из нас, конечно, не видел его во время былых соревнований. Однако мы много слышали о его мастерстве, старались в его катании уловить какое-то особое умение. И, к своему огорчению, не находили ничего особенного. Некоторым из нас, в том числе и мне, порою даже казалось, что мы катаемся ничуть не хуже.

Весь облик Мельникова, все его поведение на льду говорило об обыденности и доступности конькобежного мастерства: только, мол, стоит полюбить коньки и побольше кататься на них. Иногда Мельников останавливался, чтобы посмотреть, как катаемся мы на таких же, как у него, «гагах». Он явно любовался нами, наверное, вспоминал свое детство, свою юность... Случалось говорил: «Я в ваши годы катался гораздо хуже...». Таким вот был человеком кумир прошлых лет, первый чемпион по бегу на коньках Васин. Разные бывают кумиры.

Николай ФИЛИН